

Одиночество толпы

Об индивидуальном механизме социальных изменений

© Очкина А. В.

© Ochkina A.

Одиночество толпы. Об индивидуальном механизме социальных изменений

Loneliness of crowd. About the individual mechanism of social changes

Аннотация. С помощью метафоры героя и толпы исследован индивидуальный механизм социальных изменений. Рассмотрена особенность современной институциональной структуры общества, в котором институты не ограничивают прямо свободу индивидов, а оформляют ее так, что индивиды сами вынуждены отчуждать часть своей свободы. Препградой для реализации объективно исторических перемен в России является не столько отсутствие лидеров, сколько неспособность общества к солидарности и последовательной борьбе за свои интересы.

Annotation. The individual mechanism of social change is the subject of this article, it is examined using the metaphors of the Hero and the Crowd. A feature of the modern institutional structure of society is a high level of individual freedom of choice, which is formed by social institutions, but is not directly and directly limited. The arbitrariness and diversity of the institutional structure of society forces individuals to alienate part of their freedom in order to maintain certain social positions. The obstacle to the realization of objectively historical changes in Russia is not so much the absence of leaders as the inability of society to solidarity and consistent struggle for its interests.

Ключевые слова. Герой, толпа, социальный протест, социальные изменения, социальные институты, субъекты истории.

Key words. Hero, crowd, social protest, social changes, social institutions, subjects of history.

Свобода и институты

Классический вопрос социологии, на который она, кстати, так и не смогла ответить развернуто и убедительно, — это вопрос о том, что является первичным в формировании структуры социально-исторического процесса: институты или индивидуальные социальные действия. Это не теоретический, а в полной мере практический вопрос, от решения которого зависит очень многое и в жизни индивидов, сообществ, наций, и в жизни человечества в целом. Сегодня достигло критической точки противоречие между относительно высокой степенью свободы личного выбора и масштабом институционального регулирования социальной жизни.

ОЧКИНА Анна Владимировна — зав. кафедрой методологии науки, социальных теорий и технологий факультета педагогики, психологии и социальных наук Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета, кандидат философских наук, доцент.

В современном мире человек остается один на один со своей идентичностью, которую формирует (по крайней мере, может формировать) чередой личных решений, путем личного выбора. Место жительства, профессию, гражданство, культуру, язык, даже пол человек сегодня волен выбирать. Более того, современные условия нередко вынуждают его сделать тот или иной выбор, определяющий его идентичность, но при этом форму и условия выбора задают социальные институты.

Так, поступая в систему образования, личность с самого начала ориентирована на максимальную реализацию своих способностей и потенций. Даже если отдельной личности такая реализация безразлична, существует целая система институтов, которая формирует такие устремления. Они поддерживаются культурными и образовательными институтами, закрепляются в системе ценностей и в общественном сознании, их признает и превозносит педагогическая теория и пытается стимулировать педагогическая практика, в том числе и созданием института дополнительного образования и индивидуального развития, на них начинает ориентироваться внутрисемейное воспитание.

Вокруг индивидуальных устремлений начинает складываться целая сложная структура институтов, которые работают в сложном и противоречивом взаимодействии друг с другом, с рынком и бюрократией. Свободно выбирая направление обучения, личность оказывается буквально в осаде со стороны различных институтов с их требованиями и правилами. И, реализуя собственную повестку, индивид вынужден лавировать между институциональными рамками, довольно далеко отступая от собственных устремлений, которые и стали первопричиной обращения к институтам.

Особенностью современной институциональной структуры является ее волюнтаристское происхождение. Современные институты в большинстве своем не выстраданы историей, а созданы индивидуальным решением. Даже если решение формально являлось коллективным, оно, как правило, отражает не объективно заданную общественную потребность и не общественные интересы, а взгляды, представления или интересы отдельных групп (например, чиновников), так что по сути дела, по отношению к обществу такое решение является частным и произвольным.

В том, что социальные институты ограничивают свободу личности, нет ничего нового. Однако современные институты формально не противостоят свободе, они ее оформляют. Не существует, например, социального ценза на вступление в институт образования, во многих странах отсутствует даже имущественный ценз, т. е. плата за обучение. К преподавателям средних и высших учебных заведений в большинстве обществ не предъявляют специальных требований относительно социального или семейного положения, расы, национальности или вероисповедания. Не так много и юридических ограничений по взаимодействию в системе образования тех, кто учит, и тех, кто учится. Однако существует огромное количество бюрократических правил, оформ-

ляющих это взаимодействие и регулирующих деятельность субъектов образования. Эти правила не посягают прямо на свободу личности, но оформляют ее деятельность так, что она сама должна отказываться от значительной части свободы, чтобы удержать свою позицию в социальном институте.

То же происходит и, например, в политических институтах, где на формальные демократические механизмы накладывается система сложных институциональных ограничений. Формальные институты парламентаризма и парламентского контроля переплетаются с неформальными, но уже институционализированными формами взаимодействия партий с государством и между собой. Непосредственность (а заодно и социальная эффективность) демократии исчезала по мере того, как связь политических партий и законодательных органов власти с рабочими и общественными движениями заменялась связью аппаратов партий и парламентов с аппаратами профсоюзов и других структур гражданского общества.

Политические лидеры начиная со второй половины XX в. приходили во власть через сложную систему бюрократических процедур, а не на волне общественного подъема. Оформленный сегодня институт политического лидерства в значительно большей мере контролируется бюрократией, нежели народом или хотя бы общественным мнением.

Очень важно подчеркнуть, что отказ от свободы в данном случае является в конечном итоге выбором самой личности. Свободу у индивидов не отнимают, ее не ограничивают прямыми запретами, — просто возникает паутина условий, при которых реализация свободы творчества, самовыражения, политической воли вступает в противоречие с самой принадлежностью к социальному институту, что ставит под удар благополучие индивида.

Используя метафору британского социолога Зигмунда Баумана, современные ограничительные и регулирующие институты можно назвать силовыми полями в противовес «твердым телам» доиндустриальных и индустриальных ограничений. Сам Бауман называет современный порядок жестким и связывает эту жесткость с масштабом освобождения индивидов и индивидуального.

«Жесткость порядка — результат свободы человеческой личности. Эта жесткость является общим продуктом “освобождения тормозов”: прекращения регулирования, либерализации, придания гибкости, увеличения подвижности, снятия ограничений с рынков финансов, недвижимости и рабочей силы, ослабления налогового бремени и т. д. (как указывает Оффе в работе “Узы, кандалы, тормоза”, впервые изданной в 1987 г.); или (цитируя книгу Ричарда Сеннетта “Плоть и камень”) методов “скорости, избавления, податливости” — другими словами, методов, позволяющих системе и свободным личностям оставаться полностью разобщенными и обходить друг друга стороной вместо того, чтобы встречаться. Если время системных революций прошло, то лишь потому, что уже нет таких зданий, где находится пульт управления системы и которые могли

бы штурмовать и захватывать революционеры; а также потому, что мучительно трудно, и даже невозможно, представить, как победители, оказавшись в этих зданиях (конечно, если они их все-таки обнаружат), действительно сумели бы перевернуть эти пульта управления и навсегда покончить со страданиями, побудившими их к мятежу. Едва ли можно удивить или озадачить кого-то очевидным отсутствием потенциальных революционеров — людей, способных ясно сформулировать желание изменить свое собственное положение в виде плана изменения устройства общества» [1. С. 12].

Паутина институтов и межинституциональных отношений, созданных произвольно вне, а порой и вопреки логике общественно-исторического процесса, становится практически непреодолимым препятствием для консолидации людей вокруг решения существенных, тем более сущностных, проблем современного общества.

Стесненный протест

Даже формулирование проблемы как нарушения порядка, которое нужно устранить, или препятствия, которое нужно преодолеть, затрудняется видимым (фиксируемым) субъективным происхождением проблемы. Это может быть конкретное решение конкретного чиновника, коррупционная схема (хотя коррупция может закономерно и объективно следовать из сложившихся общественных отношений, конкретная коррупционная схема всегда индивидуальна и произвольна), закон, подогнанный под определенную ситуацию и интересы локальной социальной группы, и т. п. Разумеется, большинство социальных проблем, проявляясь через частные, индивидуальные поступки и решения, являются проявлением объективной логики общественных отношений, но в паутине волюнтаристских противоречивых институтов отыскать эту объективность оказывается порой невыносимо сложно. Нужен тщательный анализ, который, как правило, не успевает за динамикой жизни. Социальное действие, направленное на позитивные социальные изменения, не складывается даже на уровне конструктивной и фокусированной общественной дискуссии.

Поэтому индивиды могут эффективно и более или менее солидарно восставать при проявлении локальных, частных сбоев в работе государственной машины и социальной сферы, но солидарности и энтузиазма не хватает на борьбу с системными источниками проблем. Так, закрытие школ и поликлиник в городах и селах нередко вызывает локальный протест, который может оказаться успешным в отдельных случаях. А вот движение против оптимизации медицины и образования в целом в России никак не может сложиться, несмотря на массовое недовольство национальными образованием и здравоохранением и на то, что распространение коронавируса недвусмысленно выявило слабости системы здравоохранения; а о падении качества обучения в школах и вузах России не перестают говорить уже лет десять.

Своего рода исключениями могут считаться протесты против монетизации льгот (2005), фальсификации выборов (2011–2012), пенсионной реформы (2018), протесты в Москве против недопуска независимых оппозиционных кандидатов на выборах в Московскую городскую думу «Допускай» (2019) и против коррупции (2017–2018; январь 2021 г.).

Однако эти протесты и есть как раз те исключения, которые подтверждают правило: протестная консолидация в России происходит вокруг конкретных проблем, конкретных сбоев в работе системы. А вот устойчивые массовые движения, направленные на устранение причин сбоев, на изменение системы, не складываются.

Действительно, протесты против монетизации льгот и пенсионной реформы были направлены против решений, являющихся прямым следствием антинародной социальной политики государства, т. е. несли в себе потенциал антисистемных протестов, но при этом консолидирующими факторами были конкретные решения с явными и быстрыми последствиями для индивидов. Протесты успешно объединяли индивидуальное недовольство монетизацией льгот и пенсионной реформой, но мобилизовать индивидов на длительное противостояние системе, проводящей такие реформы, не сумели. И дело здесь не в уступках, которые были довольно серьезными в 2005 г. и незначительными в 2018-м. Дело в том, что индивидуальные решения проблем, частные способы адаптации оказались для российских граждан привлекательнее, чем солидарная последовательная борьба.

Протесты против фальсификаций и ограничений на выборах 2011–2012 гг. несли в себе большой протестный потенциал, направленный на изменение политической системы. Но в качестве причины протестной консолидации их лидеры предложили фальсификацию выборов, что оказалось безразлично большинству российских граждан. Был небольшой подъем протестов в провинции, но он быстро закончился, и выступления «За честные выборы» постепенно стали почти полностью «столичной историей».

Эти протесты, таким образом, консолидировали только несистемную оппозицию, да и то ненадолго. После выборов президента в марте 2012-го и особенно после майских протестов на Болотной площади несистемная оппозиция разошлась по «идеологическим квартирам», не сделав даже сколько-нибудь убедительной попытки поработать над оживлением и организацией протестов в стране.

Изначально московской историей был протест «Допускай» в 2019 г., — акции солидарности с ним прошли всего в нескольких российских городах, да и те были немногочисленными. Кроме того, последствия протестов и 2011–2012, и 2019 гг. для организаторов и некоторых участников были довольно печальными. После «Болотного дела» 2012 г. были возбуждены десятки уголовных дел, девять человек получили реальные сроки заключения, у многих активистов движения были проведены обыски, а один из участников, Александр Долматов, в январе 2013 г. покончил с собой в Голландии, получив отказ в предоставлении

политического убежища. В 2019-м уже к 2 августа 88 человек получили административные аресты, 332 были оштрафованы.

Анализируя протестную и политическую активность в России и в мире, можно сделать вывод о сложившейся тенденции неэффективности массовых протестных кампаний, поднимающих фундаментальные проблемы общества и имеющих принципиальные претензии к существующей политической системе, к ее сущностным характеристикам. Эта тенденция проста, она кричит о себе и в истории «Движения желтых жилетов» во Франции, и в развитии протестов “Black Lives Matter” в США, и в послевыборных волнениях в Белоруссии летом 2020 г.

Все протестные события оказывали влияние на общества, в которых происходили, но не добивались целей смены системы. Причем независимо от того, заявлялись ли эти цели открыто, как, например, в Беларуси, или предполагались логикой протеста, например, против коррупции или пенсионной реформы в России, или «Движения желтых жилетов».

Особенно примечательным является очередной раунд протестов против коррупции, которые прошли в России в январе 2021 г. после возвращения из Германии Навального и появления в Интернете фильма «Дворец Путина: история самой большой взятки». Протесты, хотя и массовые и объективно предопределенные накопленным за последние годы недовольством, не сумели набрать инерцию развития, не смогли организовать собственное ядро организации. Массовые протесты прекратились, при этом в не меньшей степени под действием разочарования участников, чем из-за жестких действий власти.

Так наглядно предстал перед нами ответ на дилемму социальных наук: социальное действие или институт. Институты могут сколько угодно впадать в кризис, сбоить и не работать, могут формально предоставлять индивидам сколько угодно свободы, в том числе и свободы изменения изношенных социальных структур. Но в отсутствие ориентации индивидов на солидарное решение проблем каждого и на индивидуальное участие в решении общественных проблем никаких изменений не наступит. Будет копиться социальная энтропия, частично сдерживаемая индивидуальными социальными действиями, благодаря которым граждане постараются уберечь себя от последствий сбоев или даже кризиса институтов.

2020 г. можно назвать годом *того, что не состоялось*.

И Россию, и мир весь год бросало от события к событию, перемены маячили перед нами пугающими обещаниями, неизбежными, но так и не реализуемыми перспективами. Перемены *назревают*, но не *происходят*. Все изменения укладываются в рутинную социальную динамику, в которой растворяются, встраиваясь, самые волнующие события.

Не хватает некоего решительного социального действия, способного консолидировать разрозненные индивидуальные противостояния общественной энтропии и направить их на формирование позитивных изменений социальных институтов.

Кто-то должен начать и возглавить этот протест. Опираясь на тысячелетнюю человеческую историю, можно предположить, что этот кто-то — *герой*.

Формула героя

Здесь мы имеем в виду не просто действующего субъекта, а неординарную *личность*, противостоящую *катастрофе*. Образ героя в общем виде — это образ человека, поднявшегося (или поднятого обстоятельствами) над обыденным пониманием ценности жизни и содержания долга. Героизм востребован, когда рамки обыденного взламываются социальными или естественными катастрофами. Меня интересует социальный актор, исторический субъект, подходящий на роль *исторической личности* — героя, способного сыграть решающую роль в ключевых для текущей истории событиях и спровоцировать соответствующие действия значимой массы людей.

Подчеркиваю, это не герой одного события, требующего напряжения всех человеческих сил, особого мужества и твердости. Такие герои, конечно, необходимы человечеству и в эмоционально-культурном, и в практическом плане. «Представления о герое, преодолевающим все препятствия, выполняющем свой долг перед другими с риском для собственной жизни или ее ценой, являются важной составной частью духовности и нравственности общества... Люди должны походить на героев смелостью и удастью, бескорыстием и честностью» [14. С. 209—210].

Герой истории или историческая личность обязательно побуждают следовать за собой в поход против обстоятельств, угрожающих жизни, здоровью и благополучию людей. Герой истории должен творить свою толпу и превращать ее в последователей, в совокупность исторических субъектов.

Вера в то, что грозящая всему миру катастрофа приведет к появлению героев и сплочению человечества, — одно из сильнейших убеждений людей. Более того, поиск героев лежит в основе матрицы анализа исторических событий, изложения, понимания и запоминания истории. Многие исторические события получают имена своих героев, и все из них описываются и познаются нами через действия людей, свершивших что-то значимое для борьбы с той или иной катастрофой.

Именно поэтому *героические саги* — один из самых популярных жанров массовой культуры. Схема их составления всегда примерно одинаковая.

На мир (страну, сообщество) надвигается катастрофа, грозящая всем без исключения и чаще всего беспрецедентная. Одновременно происходит становление героя, который проходит через целую череду пока еще личных событий и драм. При столкновении с катастрофой герой не сразу понимает свою миссию, нередко ему необходимы советчики или мистические знаки. Постепенно он осознает свою миссию и принимает ее. Начинается трансформация ординарного индивида

в героя — тут-то и проявляются его скрытые силы, его героическое предназначение. Уже сложившийся герой вербует сторонников, многие из которых также познают свое предназначение в качестве его наставников или ассистентов.

Можно условно выделить две модели героизации: коллективистскую и индивидуалистическую. Для коллективистского героя важно осознание своего долга перед человечеством; индивидуалистский герой приходит к своему предназначению против собственной воли, через череду случайных или мистических обстоятельств. Так, в советских героических сагах герой — член коллектива, за ним стоят безусловная праведность его целей и поддержка масс, которые готовы следовать за ним так же, как он готов к героизму. Советский герой самым своим происхождением, всей своей жизнью был подготовлен к своей миссии. Однако и ему необходимо осознать ее, пройдя через личную трагедию, являющуюся частью общей или всеобщей катастрофы.

Индивидуалистский тип героя чаще встречается в западной литературе и кинематографе. Это почти всегда герой-одиночка, нередко маргинал, не желающий сначала принять неизбежность своей героической миссии, постигающий ее в ходе драматической борьбы с катастрофой.

Однако схема остается общей: героическое предназначение дремало, пока не наступила катастрофа (конкретному герою всегда предназначена конкретная катастрофа); именно с ее приходом герой стал осознавать свою миссию, принял ее не без сопротивления и с того момента оказался способным противостоять надвигающимся бедам.

Очищая от мифологических и художественных деталей истории о героях, мы найдем в них метафору восхождения человека от себя конкретного к себе всеобщему, от себя обыденного к себе героическому. Катастрофа (эпидемия, или некий абсолютный злодей, или чудовище, или внеземная агрессия и т. п.) в героической саге, в этой метафоре — не что иное, как мощный фактор выявления общих и всеобщих социальных интересов: интересов сохранения и благополучия сообщества, интересов выживания человечества и сохранения человеческого. Рождение героя — это процесс интериоризации всеобщих человеческих интересов на фоне экстериоризации личных страданий героя в действия по борьбе с угрозой существования человечества.

Обращусь к идеальной, на мой взгляд, формуле американского исследователя мифологии Джозефа Кемпбелла: «Герой — это мужчина или женщина, которым удалось подняться над своими собственными и локальными историческими ограничениями к общезначимым, нормальным человеческим формам. Такие видения, идеи и вдохновения человека приходят нетронутыми из первоисточников человеческой жизни и мысли. И поэтому они отражают не современное переживающее распад общество и психику, а извечный неиссякаемый источник, благодаря которому общество может возрождаться. Герой как человек настоящего

умирает; но как человек вечности — совершенный, ничем не ограниченный, универсальный — он возрождается. Поэтому его вторая задача и героическое деяние заключаются в том, чтобы вернуться к нам преображенным и научить нас тому, что он узнал об обновленной жизни» [5. С. 19].

Итак, героические саги в любом виде — это не только извечная мечта человечества о герое, не только психологическая защита от неопределенности, всегда тающей в себе катастрофу, и от катастрофы, которая есть агрессивная и трагическая неопределенность. Это модель формирования индивидуальных социальных действий в кризисные периоды. Следовательно, общую схему героизации индивидов (без мистического налета, естественно) можно использовать как своего рода идеальный тип для анализа социального поведения в период кризисов.

Как только исторический труд выходит за рамки академического анализа событий, появляются имена и истории героизма.

Сцена для героя

Распространение коронавируса сразу было отмечено экспертами как судьбоносное для мира событие. Да, вирус не является гарантированно смертельным, но он неизвестный, вездесущий и сумел подвергнуть испытанию системы здравоохранения самых благополучных и гордых своей мощью стран. При всем разбросе мнений и предсказаний экспертный вердикт единодушен: наш мир уже никогда не будет прежним, перемены будут радикальными и затронут основы привычного нам порядка вещей.

Однако даже сам вектор перемен, не говоря уже об их содержании, можно спрогнозировать, только зная характеристики участников событий, причем участников, обладающих разумом и видимых без микроскопа. Задача непростая; но тем и хороша метафора героя — она позволяет обратиться к личностям, которых можно связать с ключевыми для осуществления перемен событиями.

Отмечу, однако, что героизация личности, создание текущей героической мифологии возможны и без героического поступка. Правда, для этого необходима смерть героя. Так, самосожжение Мохаммеда Буазизи дало старт «арабской весне», а гибель Джорджа Флойда спровоцировала длительные протесты в США. Однако это герои мифа, но никак не герои действия. И речь идет не о теории героизма и типологии героев, а о том, чтобы найти социальных акторов, способных противостоять социальной деструкции.

Идеально, конечно, найти истинных участников событий — тех, кто сможет на них повлиять, а не тех, кто просто мелькает в новостных заголовках. И не просто повлиять, а помочь родиться именно тем переменам, которые назрели, да еще и спасти человечество. Однако такую задачу социолог вряд ли сможет решить, — это уже больше дело историков, способных спокойно, в тиши архивов и кабинетов анализировать

бурные периоды прошлого. Социолог же имеет возможность работать, лишь пока эти бурные времена только подкрадываются. Потом становится не до анализа.

Так что я ищу скорее тень героя, намек на его появление, хотя бы новые имена, вынесенные на поверхность информационного моря ускорившейся исторической динамикой.

А динамика есть, и еще какая. Коронавирус показал, как ненадежна наша система здравоохранения, ограничительные меры ударили по экономике, причем по самым незащищенным ее сегментам: индивидуальному и малому предпринимательству, торговле и сфере услуг. Кроме того, коронавирус существенно нарушил привычный уклад жизни, усилил чувство незащищенности и неопределенности в обществе.

На фоне растущей нервозности и неуверенности власти продавливают изменение Конституции и трехдневное голосование, во время которого 11—13 сентября манипуляции голосами, насколько можно судить, намного превзошли те, которые восемь-девять лет назад спровоцировали массовые протесты и знаменитую «Болотную».

Более того, весной экономика была принудительно остановлена при таких же, а то и меньших показателях заболеваемости, чем недавней осенью, когда власти большинства регионов не предпринимали даже умеренных ограничительных мер. Причем это произошло, когда панические настроения в обществе распространились гораздо шире, чем к началу весеннего карантина, а количество «ковид-скептиков» поубавилось.

И вроде бы «питательный бульон» для героев, т. е. массовый протест, наличествует: бурлит соседняя Белоруссия, почти полгода протестно «гулял» Хабаровск. Да и локальных протестов немало: тут и мусорная тема, и протесты предпринимателей, и вспышки трудовых конфликтов. Отдельных волн много. Но шторма не получается, — просто по стране идет рябь. При этом социологи периодически фиксируют заметный уровень социального недовольства [11; 12].

Сцена для героя готова, — но героя нет. Нет даже новых имен или событий, обещающих его появление. Хотя сегодняшние информационные технологии легко предоставляют трибуну кому угодно, вспышки недовольства и протестные волны не персонифицируются, не формируют мало-мальски известные имена, не говоря уже о реальных лидерах.

Кастинг: требуется герой

В разгар распространения коронавируса власти попытались героизировать медиков, но не получилось: по стране прокатились скандалы и протесты медработников, связанные с невыплатой обещанных компенсаций, а граждане не спешат рассыпаться в благодарностях к медикам, сталкиваясь с провалами и проблемами здравоохранения. Впро-

чем, герой на то и герой, что далеко не сразу получает общественное признание, — ведь он действует в беспрецедентных обстоятельствах, решает уникальную проблему, и его героический статус может подтвердиться только в случае успеха.

Кроме того, врачи не стремились (и, по-видимому, не стремятся) возглавить протест против оптимизации здравоохранения, против бюрократии от медицины, движение за доступную и качественную медицину для всех. Более того, когда в некоторых регионах в 2012—2017 гг. врачи пытались организовывать подобные протесты, ведомые немногочисленным, но боевым профсоюзом «Действия», их выступления захлебывались. В лучшем случае удавалось добиться конкретных результатов: выплаты задержек зарплаты, частичного снижения трудовых нагрузок и т. п. И когда врачи и средний медицинский персонал стали бороться за подобные конкретные вещи — например, проводили кампанию «Заплатите за ковид!» в 2020-м, — их движение стало весьма успешным, численность профсоюза «Действия» увеличилась, он обрел заметное влияние в профессиональной среде медиков.

Обращу внимание на два новых имени, которые принесла турбулентность 2020-го. 20 апреля во Владикавказе сотни людей вышли к Дому правительства на митинг против режима самоизоляции. Идеологом акции называли Вадима Чельдиева — известного осетинского оперного певца и активиста. Чельдиев проявил себя как последовательный ковид-диссидент. За три дня до митинга он записал видеообращение с призывом выйти на народный сход, а затем был задержан в Санкт-Петербурге. Ему вменяется организация массовых беспорядков, а также нападение на сотрудника полиции во время этапирования 26 августа 2020 г. На момент написания статьи он находился под стражей. Чельдиев — активный член движения «Свидетели СССР», он неоднократно заявлял о своих симпатиях к Сталину.

Казалось бы, чем не герой? Яркая личность, известная в сплоченном и культурно интегрированном сообществе, активный и харизматичный, обращающийся к проблемам, глубоко волнующим массы доверяющих ему людей. Кроме того — жертва преследований, узник совести, страдающий за общее дело. Ностальгия по СССР, в том числе и среди не знавшей его молодежи, как и сохранение симпатии к Сталину — факт российского общественного сознания, не раз фиксируемый опросами [8; 9].

Тем не менее, нет признаков превращения Чельдиева в героя даже в Осетии. Вполне вероятно, что у него нет необходимых героических качеств, но зато существует куча обстоятельств, позволяющих ему эти качества приписать.

Второе имя — Ирина Славина [7], журналистка из Нижнего Новгорода, совершившая днем 2 октября смертельное самосожжение возле здания нижегородского МВД. Накануне в доме журналистки прошел длительный, унижительный обыск, были изъяты компьютеры, телефоны, все рабочие записи. Ирина проходила свидетелем по делу о нежелательной

организации и, очень вероятно, не захотела подчиняться принуждению силовиков к сотрудничеству. Да, это очень напоминает поступок Буази-зи и образ героя-повода, героя мифов. Однако Ирина Славина — журналист-правдолюб, близкая к либеральным оппозиционным кругам. Ее трагический вопиющий поступок мог подтолкнуть ее друзей-оппозиционеров решительно выступить лидерами народного протеста. Да только протеста не случилось: к месту трагической гибели Сластиной выходят по несколько десятков человек, на панихиде 6 октября присутствовало несколько сотен. Для сравнения: 20 июля в знак протеста против реконструкции парка «Швейцария» вышло 10 тыс. нижегородцев. Славина, кстати, была активнейшей участницей этих протестов, ее товарищи именно с делом парка «Швейцария» связывают преследования журналистки.

Не было подъема народного гнева из-за гибели героя, и героя не случилось, как и не появилось его последователей.

Неутомимый високосный номинировал еще два имени на роль героев: Сергея Фургала и Алексея Навального. Оба имеют национальную известность, в меру скандальную, в меру доблестную, оба могут восприниматься как жертвы системы.

Сергей Иванович Фургал героем не стал. Точнее, ореол героя и даже мученика он, может быть, и получил или получит у наших потомков и историков будущего, но героем народного подъема ему уже, как видно, не стать. К концу осени 2020-го стала затухать волна протестов в Хабаровском крае [10], так и не добившихся не только освобождения Фургала, но даже этапирования его обратно из Москвы в Хабаровск.

Самым вероятным кандидатом на роль *героя истории*, выдвинутым 2020-м турбулентным годом, некоторое время казался Алексей Навальный. История его отравления, превращенная им в шоу в прямом эфире после возвращения из комы, новые сенсационные расследования, поставившие его в ситуацию непримиримой конфронтации с российской властью и, наконец, его возвращение на родину — все это выглядело прелюдией к рождению *героя*. Но этого рождения не случилось.

Многими политически активными гражданами, авторитетными экспертами и даже обывателями возвращение Навального в страну (где его, по его же словам, хотели убить) со словами «Это мой дом, я не боюсь» было расценено чуть ли не как поворотный момент в российской истории, как преддверие массовых протестов и радикальных перемен. Судя по всему, такие же мысли появились у ряда представителей правящей верхушки, поэтому «берлинского пациента», как его презрительно именovala пропаганда, арестовали сразу по прилету, в аэропорту. Подозреваю, что он, его ближайшие соратники и многочисленные сторонники были уверены, что этот арест ненадолго, и Навальный с триумфом выйдет на свободу, чтобы возглавить протест или даже — изменившуюся Россию, «прекрасную Россию будущего».

Однако протесты января 2021 г., инициированные ФБК¹, не продолжились и не развились. После того, как протесты 23 и 31 января вызвали только раздражение власти и не привели к каким-либо уступкам с ее стороны, штаб ФБК в лице Леонида Волкова объявил о прекращении массовых выступлений. Волков заявил, что больше протестов не будет, «потому что Алексея будем теперь вытаскивать другими методами», и призвал всех к участию в «акции с фонариками» «Любовь сильнее страха» 14 февраля. После этого массовые протесты против коррупции или в поддержку Навального затихли, социальная напряженность, проявившаяся было в январских протестах, которые были примечательны не столько массовостью, сколько обширной географией, продолжила накапливаться без разрядки.

Волков лично, может быть, и сам Навальный или коллективный разум его сторонников переоценили роль фигуры Навального в качестве триггера протестов. Или, напротив, была недооценена многоаспектность и многогранность протестного потенциала в стране, многообразие, часто противоречивое, мотивов, вовлекающих людей в протесты января 2021 г. На этот раз антисистемный протест пытались организовать по поводу, к которому недовольство и мотивы большинства его участников отнюдь не сводились: в качестве консолидирующего фактора не могли долго работать ни призыв требовать освобождения Навального, ни разоблачительный пафос фильма о дворце в Геленджике.

Волков, фактически вставший во главе ФБК после ареста Навального, довольно эффективно манипулировал протестным потенциалом, «включая» и «выключая» его посредством *интернет-мобилизации*.

Однако возможности такого манипулирования все-таки ограничены. История неоднократно показывала, что массы позволяют использовать себя в качестве средства достижения целей отдельных лидеров, но лишь какое-то время, — рано или поздно массы обретают и собственные цели, и собственных лидеров.

Нельзя стать настоящим лидером, тем более героем, не понимая тех, кого ты собрался вести за собой. Такое понимание дается нелегко, через тяжелые, порой драматические трансформации и масс, и лидеров. И личные тяготы не всегда такой трансформации способствуют. Так, Навальный не сумел использовать судебную трибуну, произнося последнее слово. И эмоционально, и содержательно его речь была явно обращена к его подписчикам, а не к гражданам своей страны. А превращение подписчиков в деятельных сторонников — процесс такой же сложный и неоднозначный, как и превращение жителей страны в активных и равнодушных граждан.

¹ Некоммерческая организация, внесенная Минюстом РФ в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. Начат процесс по иску столичной прокуратуры о признании данной НКО экстремистской организацией. В июне 2021 г. президент В. Путин подписал одобренный обеими палатами парламента закон, запрещающий причастным к работе экстремистских организаций участвовать в выборах любого уровня. Причастными считаются и те лица, которые поддерживали эти организации или отдельные их мероприятия в Интернете.

Продолжение пути Навального зависит от того, сумеет ли он подняться над собой и дотянуться до задач *истории*. Власть еще может сотворить из него мученика, а вот планы *истории* пока непонятны ни ему, ни нам. А понимать и воплощать эти планы — дело как раз для *граждан* и *героев*.

События 21 апреля показали, что протест кое-как сложился, практически без лидеров и идеологии. И хотя силового давления на протест оказалось недостаточно для того, чтобы он совсем рассыпался, тем не менее протеста не хватило и не хватает на то, чтобы повлиять на жизнедеятельность общества.

Проблема «толпотворения»

Не только с героем пока не складывается, но и толпа не образуется. По крайней мере в том понимании, которое предлагал Н. К. Михайловский: «толпа и герой — не оценочные категории. Это видно из определений: “Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным, или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины...” Более того, возникновение толпы неотделимо от появления героев: “...Герои не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам... их создает та же среда, что выдвигает и толпу”, а потому героем может стать кто угодно — “злодей, глупец, ничтожество, всемирный гений или ангел во плоти”» [6. С. 6].

Согласно Михайловскому, толпа возникает в тех же обстоятельствах, что и герой, — это две стороны одного и того же явления. Он даже использовал интересный термин — «толпотворение». Вот что говорилось об этом в одной из работ Н. А. Бердяева: «В качестве социальных условий “толпообразования” Михайловский отмечает общественное разделение труда и его деперсонализирующие следствия, а в качестве психологических — причины аффективного свойства: отсутствие эмоционально ярких событий, бедность перцептивного опыта человека, когда “самостоятельная жизнь индивида поедается скудостью и однообразием впечатлений”, причем оба этих плана понимаются им как взаимосвязанные» [2. С. 16].

Могу предположить, что в российском обществе действуют сильные социально-психологические и политические факторы, препятствующие взаимному образованию героя и толпы. Общество, с одной стороны, глубоко равнодушно к любым проявлениям героизма (необыденным, ориентированным на всеобщие ценности, обращенным к обществу поступкам). А с другой стороны, не только не скучает в своей повседневности, но и очевидно упивается ею, порождая все новые способы разнообразить свою рутину, используя неисчерпаемые возможности общества потребления.

Истоки политического и (в определенной мере) нравственного равнодушия российского общества нужно искать, я полагаю, в 1980—1990-х гг. Общественный подъем периода перестройки для большинства россиян старше 50 ассоциируются теперь с разочарованием и обманом. Это поистине коллективная эмоция, присущая нескольким ныне живущим поколениям и не зависящая от обстоятельств и убеждений индивидов.

Разочарование масс в политике совпало по времени с возрастающими возможностями личного потребления. Пережив экономический коллапс 1990-х, недавние советские граждане начали покупать и обустриваться, утоляя свой потребительский голод. Публицист Рустем Вахитов справедливо писал о консенсусе 1990-х гг., когда советские люди получили три вожделенные вещи: квартира, автомобиль и поездки за границу [3].

В 1990-е гг. начинается энергичный распад остатков солидарности российского общества. В 1989 г. накопившиеся в советском обществе противоречия подрывали общую систему ценностей, а в 1991-м было разрушено и общее культурное пространство. 1989—1991 гг. можно понимать как отдельный период в развитии советской солидарности. Общество захватил разоблачительный пафос, граждане запоем читали ранее запрещенные тексты и смотрели телепередачи, раскрывающие провалы и преступления режима. Но, кроме разоблачений, никакой содержательной деятельности не предлагалось, потому и новых очагов солидарности не возникло. Инерционное принятие определенных гуманистических ценностей в сочетании с отсутствием активности по их защите во многом способствовало тому, что советское общество само подготовило свой конец и оказалось совершенно к нему не готово.

Процессы распада солидарности в период «застоя» и «перестройки» были обусловлены накоплением не решаемых и не решенных противоречий, растущей дифференциацией советского общества, экономическими и идеологическими провалами советского руководства. В 1991 г. СССР перестал существовать, и Россия, ставшая самостоятельным государством, прошла через ряд болезненных трансформаций. Но этот перелом не создал новых точек солидарности, а только довольно серьезно подрывал существующие. Постсоветские трансформации также не создавали сколько-нибудь устойчивой основы для солидарности [13].

Все 1990-е гг. шел процесс разложения коллективов, сложившихся вокруг созидательной или творческой деятельности: предприятия закрывались, распадались трудовые и студенческие коллективы, люди меняли профессию, радикально меняли сферу деятельности, нередко разрывая давние и крепкие связи.

Распад сложившихся и вроде бы сплоченных коллективов происходил по схожей схеме. Разница в материальном положении и взглядах, которая была не слишком ощутимой раньше (хотя, конечно, была), становилась глубже и принципиальнее. Но самое главное — пропадали

общие темы и интересы. Дело, профессия утрачивали свою объединяющую роль, потому что большинству стало не до профессии, — нужно было выживать, а это в 1990-е означало «крутиться». Политика становилась все менее интересной, постоянные сенсационные разоблачения притупили способность удивляться, политическая активность масс выдохлась, политика стала игрой немногих. Да и единство взглядов на политику исчезло, в обществе формировалась система весьма противоречивых интересов. И в этой системе интерес собственно общества не дезагрегировался, а испарился, стал неуловимым настолько, что его теперь приходится специально выявлять и доказывать.

Распад СССР и смена общественного строя в России, конечно, создали новые сферы деятельности. Однако успех в этих сферах не только не предполагал, но и прямо отрицал солидарность, по крайней мере как массовую практику. Новые общественные отношения предлагали успех в конкуренции, т. е. в процессе, отрицающем солидарность. Причем конкуренция формировалась и осмысливалась именно как индивидуальная, а не как соревнование команд или корпораций. Образ успеха и «успешных людей» стал сильнейшим образом постсоветского общественного сознания, самым удачным пропагандистским мифом, запущенным адептами рыночного развития.

Новые сферы деятельности и новые карьеры были не результатом интенсивных созидательных процессов, а лишь следствием перераспределения созданных в советское время ресурсов. 1990-е гг. создали свои собственные надежды, но это были надежды индивидуалистов. Надежды на индивидуальное процветание в значительно большей степени, чем на процветание страны. Точнее, процветание страны выступало как условие или фон (желаемый, но не обязательный) для индивидуального процветания. 1990-е мы пережили, но солидарность не восстановилась.

Своего рода цементом, наскоро скрепляющим сегодня стену общественного равнодушия, становится распад созданной в советское время системы просвещения и образования, особенно гуманитарного. Централизованное советское образование было пронизано идеями Просвещения и было способно давать довольно приличное базовое гуманитарное образование [4]. Современное образование лишено фундаментальности и того принуждения к культуре, которым славилось образование советское. А без такого принуждения не усваиваются именно те «общезначимые, нормальные человеческие формы», которые необходимы и для рождения героя, и для его приема, и даже для его ожидания.

Анализ результатов моих собственных социологических исследований методом фокус-групп показал, что граждане ждут, что кто-то позовет их за собой, предложит им готовую программу, проявит себя лидером. Однако детальный анализ результатов таких исследований показывает, что герой, и особенно лидер, нашим гражданам нужен уже в законченном, завершенном виде. Это случай, когда толпа не готова творить героя или, тем более, выталкивать его из своих недр, — она

согласна лишь следовать за тем, кто уже признан и героем, и лидером и, главное, начальником. А такая толпа не имеет шансов превращения даже в последователей подлинных героев, не то что в демиургов собственной жизни. Строго говоря, такая толпа не позволяет обществу развиваться как системе взаимодействия граждан, поскольку состоит из индивидуалистов в социальной жизни и пассивных наблюдателей в жизни политической.

Но если коронавируса не хватило в качестве катализатора для появления героических личностей и лидеров, то ползучий кризис, давно уже ставший системным, сформирует в конце концов если не героев, так хоть их подмастерьев.

Локальные протесты могут набрать критическую массу, стать известными в стране, приобрести поклонников и — героев. На это, правда, нужны время и все-таки хоть какая-то политизация масс, преодоление, хотя бы частичное, сегодняшней политической апатии масс.

Может, кстати, появиться лидер, которого массы наконец-то примут, поскольку он будет похож на настоящего лидера (начальника). Тогда толпа консолидируется вокруг лидера и сможет его своими действиями поддержать. Это может быть представитель системы, разочаровавшийся в ней и взявший на себя смелость перестраивать ее. Такое уже бывало и по-разному заканчивалось.

Ну и самый грустный и при этом наиболее вероятный, как учит нас история, вариант — это настоящая героическая сага, когда героев выковыывают трагические и бурные времена. При этом варианте толпа исчезает, на сцену выходят граждане.

Литература

1. **Бауман З.** Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008.
2. **Белинская Е. П.** У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «Психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н. К. Михайловского // Вестник Московского государственного университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1.
3. **Вахитов Р. Р.** Радуга мыльного пузыря : Чем подкупили простых советских людей // Советская Россия. 2015. 14.05. — <https://sovross.ru/articles/1222/21252> (дата обращения: 11.04.2021).
4. **Кагарлицкий Б. Ю.** Советская культурная политика и традиции Просвещения // Время, вперед / под ред. И. В. Глушенко, В. А. Куренного. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2013.
5. **Кэмпбелл Дж.** Тысячеликий герой. М. : Ваклер : Рефл-бук : АСТ, 1997.
6. **Михайловский Н. К.** Герои и толпа : Избранные труды по социологии : в 2 т. / отв. ред. В. В. Козловский. СПб., 1998. Т. 2.
7. Неделя без Славиной: все о деле погибшей журналистке в пяти карточках // NN.ru. 2020. 09.10. — https://www.nn.ru/news/articles/nedelya_bez_slavinoy_vsy_o_dele_pogibshey_zhurnalistki_v_pyati_kartochkakh/69499277/#card_2/ (дата обращения: 15.04.2021).
8. Опрос показал, сколько россиян хотели бы жить в эпоху Сталина // РИА «Новости». 2019. 18.04. — <https://ria.ru/20190418/1552824590.html> (дата обращения: 17.04.2021).
9. Россияне установили рекорд по одобрению Сталина. В соцсетях знают почему // Росбалт. 2019. 16.04. — <https://www.rosbalt.ru/like/2019/04/16/1776144.html> (дата обращения: 17.04.2021).